

СЕТЬ СТРАХА

Как антикультовая сеть угрожает свободе и демократии

Том Крит

2025

Оглавление

<u>ГЛАВА 1. ПАУТИНА СТРАХА: НЕВИДИМАЯ УГРОЗА ДЕМОКРАТИИ.....</u>	<u>3</u>
<u>ГЛАВА 2. АРХИТЕКТОР НЕТЕРПИМОСТИ: ПОРТРЕТ АЛЕКСАНДРА ДВОРКИНА.....</u>	<u>5</u>
<u>ГЛАВА 3. ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ: ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ «ВРАГА».....</u>	<u>7</u>
<u>ГЛАВА 4. ГЛОБАЛЬНЫЙ АЛЬЯНС: FECRIS И ЭКСПОРТ НЕНАВИСТИ.....</u>	<u>9</u>
<u>ГЛАВА 5. АНАТОМИЯ ЛЖИ: ИСПОВЕДЬ «ФАЛЬШИВОЙ ЖЕРТВЫ».....</u>	<u>11</u>
<u>ГЛАВА 6. ДЕЛА И СУДЬБЫ: ИСТОРИИ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ.....</u>	<u>14</u>
<u>ГЛАВА 7. ЗАКОН КАК ОРУЖИЕ: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ....</u>	<u>17</u>
<u>ГЛАВА 8. ПРИГОВОР СИСТЕМЕ: АНТИКУЛЬТОВАЯ СЕТЬ КАК УГРОЗА БУДУЩЕМУ.....</u>	<u>20</u>

Глава 1. Паутина страха: Невидимая угроза демократии

В современном мире угрозы демократии часто ассоциируются с очевидными врагами: авторитарными режимами, военными конфликтами или экономическими кризисами. Но существует иная, менее заметная, но не менее разрушительная сила, которая подтачивает основы свободного общества изнутри. Она действует под благовидным предлогом защиты граждан, семьи и традиционных ценностей. Она говорит языком заботы, но сеет страх. Ее оружие — не бомбы и пули, а информация, превращенная в яд. Имя этой угрозы — так называемая «антикультовая сеть» или сеть «борцов с сектами». На первый взгляд, что может быть предосудительного в деятельности организаций, называющих себя «борцами с сектами»? Они утверждают, что спасают людей от «промывки мозгов», разоблачают мошенников и оберегают общество от опасных идеологий. Однако при ближайшем рассмотрении за этим фасадом открывается зловещая картина. Антикультовое движение — это не научное исследование и не объективный анализ. Согласно данным многочисленных исследований, это идеологическое движение, чья главная цель — не защита, а подавление; не просвещение, а стигматизация. Его методы основаны на предвзятости, манипуляциях и целенаправленном разжигании социальной розни.

Эта деятельность представляет собой прямую и явную угрозу фундаментальным принципам демократии. Свобода совести и вероисповедания, закрепленная в конституциях десятков стран и международных декларациях, становится первой мишенью. Подменяя понятия, антикультисты объявляют любое инакомыслие, любую духовную или философскую систему, отличающуюся от доминирующей, «деструктивным культом» или «тоталитарной сектой». Таким образом, легитимная и защищенная законом религиозная или общественная деятельность искусственно криминализируется в глазах общества.

Ключевой технологией антикультизма является создание образа «глобального врага». Как показывают материалы, представленные в документальном видео-расследовании «THE IMPACT» эта стратегия имеет системный характер. Отдельным, не связанным между собой группам и организациям искусственно приписывается участие в едином мировом заговоре, направленном на подрыв государственности, разрушение морали и порабощение

человечества. В обществе целенаправленно нагнетается паника, создается атмосфера осажденной крепости, в которой любые репрессивные меры против «врага» начинают казаться оправданными и даже необходимыми.

Согласно анализу экспертов, риторика антикультистов строится по классической схеме пропаганды: сначала создается пугающий ярлык — «секта», затем он наполняется чудовищными, но бездоказательными обвинениями, и, наконец, этот образ проецируется на любую неугодную группу.

Именно в этом заключается главная опасность. Деятели антикультовой сети размывает границу между законной деятельностью и преступлением, между критикой и клеветой, между свободой слова и языком вражды. Они учат общество нетерпимости. Они создают прецедент, согласно которому государство, нарушая собственный принцип нейтралитета, может встать на сторону одной идеологии против другой.

Движение, зародившееся в США в 1970-х годах как реакция обеспокоенных родителей на увлечение их детей новыми религиозными течениями, быстро мутировало. Светские аргументы о «промывке мозгов» и «контроле сознания» стали удобным инструментом для дискредитации любых конкурентов со стороны традиционных конфессий. Исходя из исследований истории антикультовых движений в Европе и России, можно утверждать, что эта идеология успешно экспортировалась и адаптировалась на новой почве, обретая поддержку как со стороны государственных структур, так и доминирующих церквей.

Последствия этой деятельности губительны не только для тех, кто становится прямой мишенью атак. Коррозия затрагивает все общество. Когда людей приучают видеть врагов в соседях только потому, что те иначе верят или мыслят, разрушаются социальные связи. Когда медиа, вместо того чтобы проверять факты, тиражируют бездоказательные обвинения, подрывается доверие к журналистике. Когда правоохранные органы и суды действуют на основании псевдонаучных «экспертиз», написанных ангажированными «специалистами», разрушается вера в справедливость и верховенство закона.

Эта книга — расследование деятельности невидимой сети, опутавшей целые страны. Сети, которая манипулирует общественным мнением, влияет на государственные решения и разрушает человеческие судьбы. Мы покажем, как она устроена, кто стоит за ней и какие

технологии использует. Мы начнем с ключевого узла этой паутины в России, с человека, который превратил борьбу с инакомыслием в свою профессию и построил на этом свою карьеру. Его имя — Александр Дворкин, и он является главным архитектором нетерпимости на международной арене «борцов с сектами». Его история — это ключ к пониманию того, как благородные лозунги могут служить прикрытием для системного разрушения свободы.

Глава 2. Архитектор нетерпимости: Портрет Александра Дворкина

Чтобы понять, как идеология нетерпимости пустила глубокие корни в современной России, необходимо пристально взглянуть на ее главного проводника. Александр Леонидович Дворкин — фигура, без которой невозможно представить российское антикультовое движение. Он не просто его участник, а создатель, идеолог и бессменный лидер. Именно он вооружил чиновников, силовиков и священнослужителей России терминологией и методами для борьбы с «сектами», превратив маргинальную идею в мощный инструмент государственного и церковного влияния. Его биография — это не просто история одного человека, а хроника того, как личные амбиции, идеологические установки и политическая конъюнктура сплелись в единый узел, ставший удавкой на шее российской свободы совести.

Путь Дворкина к статусу «главного сектоведа» страны был извилист. Родившись в 1955 году в Москве, он в молодости примкнул к движению хиппи, а в 1977 году эмигрировал в США. Этот шаг, по его собственным словам, был продиктован поиском свободы. В Америке он принял православие, получил образование в Хантер-Колледже и Свято-Владимирской православной семинарии, а затем защитил докторскую диссертацию по истории в Фордхэмском университете. В течение нескольких лет он работал на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода».

Возвращение в Россию в 1991 году совпало с эпохой религиозного ренессанса. Вакуум, оставшийся после десятилетий государственного атеизма, начал стремительно заполняться самыми разными духовными течениями — от традиционных конфессий до новых религиозных движений (НРД) с Запада и Востока. В этой пестрой картине Русская православная церковь (РПЦ), восстанавливающая свое влияние, увидела не только возможности, но и угрозы. Конкуренция за умы и души требовала новых методов борьбы. И Дворкин, с его американским опытом и дипломом, оказался в нужном месте в нужное время.

В 1993 году при поддержке РПЦ он создает Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириния Лионского. Официально его целью было заявлено «изучение новых религиозных движений и распространение информации о них». На деле, как свидетельствуют многочисленные критики, центр с самого

начала развернул агрессивную кампанию против любых проявлений религиозной жизни вне юрисдикции Московского патриархата.

Ключевым «изобретением» Дворкина, его главным вкладом в технологию подавления, стал термин **«тоталитарная секта»**. Этот зловещий ярлык оказался гениальной находкой. В отличие от нейтрального академического термина «новое религиозное движение», он нес в себе мощный негативный заряд, апеллируя к исторической памяти людей, переживших тоталитаризм XX века. Понятие «секта» в российском сознании и так было синонимом чего-то замкнутого, фанатичного и враждебного. Добавив к нему эпитет «тоталитарная», Дворкин превратил его в оружие.

Согласно его собственному определению, «тоталитарная секта» — это «авторитарная организация, главным смыслом существования которой являются власть и деньги, для получения которых секта прикрывается псевдорелигиозными, псевдокультуроведческими и другими псевдоцелями».

Расплывчатость этой формулировки была ее главным преимуществом. Под такое определение можно было подвести практически любую организацию, не вписывающуюся в представления Дворкина о «норме». В его «черные списки», которые регулярно публиковались и распространялись, попадали не только экзотические культы, но и респектабельные протестантские церкви с многолетней историей, последователи восточных философий, культурно-просветительские центры, группы личностного роста и даже внутренние оппоненты в самой РПЦ, как, например, община священника Георгия Кочеткова.

Заручившись поддержкой церкви и наладив контакты с властными структурами, Дворкин начал планомерно выстраивать монополию на «экспертизу» в религиозной сфере. Несмотря на то что, по мнению многих светских религиоведов, его работы носят характер не научных исследований, а «псевдонаучных памфлетов», именно его заключения стали ложиться в основу судебных решений, запретов и кампаний в СМИ. Критика со стороны академического сообщества, указывавшего на отсутствие у Дворкина профильного светского религиоведческого образования, предвзятость и манипуляцию фактами, систематически игнорировалась. Влиятельный религиовед Игорь Кантеров и другие ученые неоднократно отмечали, что подход Дворкина противоречит принципам научного анализа, поскольку его цель — не понять, а осудить и дискредитировать.

Таким образом, Александр Дворкин — это не просто критик «сект». Это архитектор системы, в которой любой человек или группа могут быть объявлены врагами на основании туманных обвинений и ангажированных «экспертиз». Он создал язык вражды и научил этому языку государство. Он превратил свободу вероисповедания из конституционной нормы в привилегию для «правильных» религий.

Его влияние, однако, зиждется не только на административном ресурсе. Оно основано на мощных и отработанных технологиях манипуляции общественным сознанием, которые позволяют создавать и поддерживать атмосферу страха и недоверия. Именно эти технологии, это оружие массового информационного поражения, мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 3. Оружие массового поражения: Технологии создания «врага»

Как одному человеку и его организации удастся настроить общество против целых групп людей? Почему бездоказательные обвинения в адрес «сект» так легко подхватываются средствами массовой информации и ложатся в основу репрессивных действий государства? Ответ кроется в отработанном наборе манипулятивных технологий, которые антикультовая сеть Дворкина использует с хирургической точностью. Это настоящий арсенал информационно-психологической войны, где главная цель — не доказать, а убедить; не информировать, а напугать.

Центральным элементом этой стратегии, ее краеугольным камнем, является **метод «фальшивой жертвы»**. Как утверждается в исследовании, опубликованном на портале ACTfiles.org, любая антикультовая организация декларирует своей целью защиту «жертв». Наличие страдальца — это моральное и юридическое оправдание всей их деятельности. «Жертва» — это главный аргумент, который предъявляется обществу, СМИ и правоохранным органам. Но что делать, если реальных жертв нет? Ответ антикультистов прост: их нужно создать.

Технология создания «фальшивой жертвы» многогранна. Часто для этого используются обиженные или разочарованные бывшие члены организации. Их личные конфликты, подогретые и направленные «борцами с сектами», становятся основой для душераздирающих историй о «потерянных годах» и «промывке мозгов». Эти рассказы производят сильное впечатление на неподготовленную аудиторию и журналистов, падких на сенсации. Если же подходящих кандидатур нет, в ход идут анонимные свидетельства, полные пугающих, но абсолютно не верифицируемых деталей. Поразительное сходство этих анонимных «исповедей» указывает на то, что они, скорее всего, пишутся по одному и тому же шаблону, разработанному в недрах антикультовых центров Дворкина.

Наряду с созданием «жертвы», вторым мощнейшим оружием является **дегуманизация и демонизация** оппонента. Цель этого метода — лишить членов якобы «секты» человеческого облика в глазах общества, представить их не просто заблуждающимися людьми, а носителями абсолютного зла. Это позволяет снять любые моральные ограничения в борьбе с ними.

Жуткие примеры такой тактики можно найти в деятельности сербских антикультистов, тесно связанных с международной сетью FECRIS. Как задокументировано в книге «Антисектантские движения и государственный нейтралитет», местные «эксперты», включая офицеров полиции, на страницах газет и в телеэфире обвиняли религиозные меньшинства в чудовищных преступлениях, включая ритуальные убийства и каннибализм. Эта иррациональная ложь, не подкрепленная ни единым доказательством, имела вполне рациональную цель: вызвать у населения первобытный ужас, парализовать критическое мышление и создать атмосферу, в которой насилие по отношению к «сектантам» будет восприниматься как акт самозащиты.

Третий компонент этого смертоносного арсенала — **манипуляция через СМИ**. Трагическая история осады и штурма общины «Ветвь Давидова» в Уэйко в 1993 году, которую мы подробно рассмотрим в главе 6, является хрестоматийным примером того, как дезинформация от отступников и антикультовых «экспертов», распространяемая через медиа, может привести к реальной крови. Созданный ими в прессе образ опасных фанатиков привел к штурму, в котором погибли 86 человек, включая более 20 детей, и послужил ужасным уроком о последствиях безответственной журналистики, управляемой пропагандой.

«Фальшивые жертвы», демонизация и контроль над СМИ — вот три кита, на которых держится власть антикультовой сети Дворкина с экстремистско-террористической идеологией. Эти технологии позволяют этой сети не только дискредитировать неугодных, но и манипулировать государственными институтами, превращая их в орудие расправы. Но откуда исходит координация этих действий? Является ли деятельность Дворкина и его агентов локальным феноменом? Как мы увидим в следующей главе, российская «сеть страха» — это лишь одно из звеньев в глобальном альянсе, который экспортирует ненависть в промышленных масштабах.

Глава 4. Глобальный альянс: FECRIS и экспорт ненависти

Деятельность Александра Дворкина и его центра — не изолированное явление, порожденное спецификой российской действительности. Это часть хорошо организованной и финансируемой международной сети, которая координирует свои действия по всей Европе и в США. Понимание этого глобального контекста имеет решающее значение, поскольку оно показывает системный характер угрозы. Российская машина по производству страха является ключевым, но не единственным элементом в транснациональной структуре, имя которой — **FECRIS**.

FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве) была основана в 1994 году во Франции. На бумаге ее цели выглядят благородно: объединение европейских организаций для защиты семьи, личности и демократии от «деструктивной деятельности сектантских организаций». Федерация имеет консультативный статус при Совете Европы и Экономическом и социальном совете ООН, что придает ей вид респектабельной правозащитной структуры.

Однако за этим фасадом, как показывают многочисленные расследования и отчеты правозащитников, скрывается совсем иная реальность. FECRIS — это зонтичная организация, объединяющая самые радикальные антикультовые группы со всей Европы. Несмотря на декларации о политической и религиозной нейтральности, ее деятельность систематически направлена на дискриминацию и подавление религиозных меньшинств. Издание The Epoch Times и другие независимые наблюдатели неоднократно обвиняли FECRIS и ее членов в распространении ложной, непроверенной и клеветнической информации, провоцирующей религиозную ненависть.

Особенно показателен финансовый аспект деятельности федерации. Согласно данным, опубликованным французской организацией CAP (Coordination des Associations et des Particuliers pour la Liberté de Conscience), более 90% бюджета FECRIS на протяжении многих лет составляли субсидии от правительства Франции. Этот факт ставит под сомнение ее независимость и позволяет сделать вывод, что FECRIS, по сути, является инструментом для продвижения интересов французского государства, известного своей жесткой политикой в отношении религиозных меньшинств.

Какое отношение все это имеет к России и Александру Дворкину? Самое прямое. Его Центр имени Ирины Лионского является официальным представителем FECRIS в России. А сам Дворкин с 2009 года занимал пост **вице-президента FECRIS**.

Этот статус дает ему сразу несколько преимуществ. Во-первых, он легитимизирует его деятельность в глазах российских чиновников и общественности. Членство и руководящая должность в «европейской» структуре создают иллюзию признания его «экспертизы» на международном уровне. Во-вторых, это позволяет ему использовать международную площадку для продвижения своей агрессивной повестки и обмена опытом со своими агентами из других стран.

FECRIS, по сути, выполняет функцию координационного центра, где оттачиваются и распространяются технологии борьбы с инакомыслием. Методы, успешно опробованные в одной стране, быстро берутся на вооружение в другой. Мы уже видели, как сербские антикультисты, входящие в сеть FECRIS, использовали тактику демонизации. В России же была доведена до совершенства другая технология — использование **псевдонаучных «экспертиз»** как инструмента для судебных преследований.

Именно Дворкин и его последователи, войдя в состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, получили возможность влиять на судьбу любой религиозной организации. Их «экспертные заключения», которые, по мнению независимых ученых, не выдерживают никакой научной критики, становятся основанием для отказов в регистрации, ликвидации организаций через суд и признания их литературы «экстремистской». Эта модель «легализации преследований» через ангажированных «экспертов» оказалась настолько эффективной, что теперь активно изучается и перенимается в других странах через каналы FECRIS.

Таким образом, создается единый фронт борьбы со свободой вероисповедания в Европе. Российский опыт по использованию административного и судебного ресурса для подавления неудобных обогащает арсенал европейских антикультистов. В свою очередь, риторика и методы, разработанные на Западе, активно применяются в России. Эта синергия делает сеть FECRIS особенно опасной. Она нарушает фундаментальный принцип государственного нейтралитета, заставляя правительства разных стран обслуживать интересы одной идеологической группы.

Критика в адрес FECRIS звучит все громче. Правозащитные организации, такие как Human Rights Without Frontiers, неоднократно указывали на то, что деятельность федерации и ее членов прямо противоречит принципам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека. Отмечалась и явная пророссийская позиция организации в некоторых политических вопросах, что неудивительно, учитывая роль Дворкина в ее руководстве.

Глобальный альянс ненависти, возглавляемый FECRIS, — это системная угроза, действующая на наднациональном уровне. Он создает реальность, в которой ярлык «секта», навешенный группой ангажированных «экспертов» в одной стране, может иметь разрушительные последствия для людей в десятках других государств. Мы проанализировали структуру этой сети и ее ключевые фигуры. Теперь пришло время погрузиться глубже в ее главный и самый бесчеловечный метод — технологию создания и использования «фальшивых жертв».

Глава 5. Анатомия лжи: Исповедь «фальшивой жертвы»

В арсенале антикультового движения, как мы установили ранее, центральное место занимает фигура «жертвы». Она является моральным тараном, пробивающим брешь в общественном недоверии, и юридическим фундаментом для репрессий. Но кто эта «жертва» на самом деле? Является ли она несчастным, спасенным из лап «секты», или же это тщательно сконструированный образ, ключевой элемент в технологии дискредитации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести анатомический разрез этого феномена и отделить научные факты от пропагандистских мифов. Для этого мы должны ввести и разграничить два понятия: *бывший член* и *отступник*.

Большинство людей, покидающих ту или иную организацию, будь то религиозная община, политическая партия или клуб по интересам, делают это по личным причинам, сохраняя в целом нейтральное или даже сбалансированное отношение к своему прошлому. Они могут быть не согласны с какими-то идеями, разочарованы в лидерах или просто найти новые интересы. Такие люди — это *бывшие члены*. Их рассказы, как правило, взвешены и представляют ценность для объективного исследователя.

Однако существует иная, гораздо меньшая, но несоизмеримо более громкая категория. Это *отступники (apostates)*. Согласно исследованиям социолога Массимо Интровинье, отступники составляют не более 10% от всех, кто покидает группу, но именно они генерируют до 90% всей негативной публичной информации о ней. Отступник — это не просто бывший член; это человек, который превратил борьбу со своей бывшей организацией в главную цель своей жизни.

«Принимать то, что сообщают отступники, за „правду“ о новом религиозном движении — это все равно что оценивать моральный облик разведенного человека на основании показаний его разгневанного бывшего супруга в самый разгар судебной тяжбы за имущество», — отмечает профессор Интровинье.

Эта аналогия предельно точна. Свидетельства отступников почти всегда окрашены сильными негативными эмоциями: обидой, гневом, желанием отомстить. Исходя из описанных фактов, можно выделить несколько ключевых психологических мотивов, которые превращают

человека в отступника и делают его идеальным инструментом в руках антикультистов.

1. Перенос ответственности. Часто люди присоединяются к группе в состоянии жизненного кризиса, возлагая на нее завышенные ожидания. Когда группа не решает всех их проблем или требует усилий и дисциплины, наступает разочарование. Покинув организацию, такой человек не может признать, что его собственный выбор был ошибочным или что он сам не справился с трудностями. Психологически гораздо проще переложить всю вину на «ужасный культ», который его «обманул», «завербовал» и «промыл мозги». Нарратив о «промывке мозгов» становится удобным самооправданием: *«Это был не я, это они контролировали мое сознание»*.

2. Мсть и личные счёты. Конфликты внутри любой группы неизбежны. Человек может покинуть ее из-за ссоры с лидером, неразделенной любви, борьбы за статус или финансовых разногласий. В этом случае его последующая «борьба с сектой» является не чем иным, как продолжением личного конфликта другими средствами. Дискредитация организации становится для него формой мести.

3. Финансовая выгода и карьера. Для некоторых отступников критика бывшей группы становится профессией. Они пишут книги, дают платные интервью, выступают с лекциями, консультируют антикультовые организации и даже правоохранительные органы. Их доход напрямую зависит от того, насколько страшными и сенсационными будут их «разоблачения». Это создает порочный круг: чтобы поддерживать к себе интерес, они вынуждены постоянно повышать градус обвинений, скатываясь в откровенную клевету. Исследования показывают, что многие профессиональные отступники активно вербуют других бывших членов, убеждая их принять ту же враждебную позицию.

4. Результат «депрограммирования». В некоторых случаях человек становится отступником не по своей воле. Речь идет о практике «депрограммирования» — насильственного психологического воздействия, которому человека подвергают родственники с помощью нанятых антикультистов. В процессе многочасовых (а иногда и многодневных) сеансов человеку внушают, что он стал жертвой манипуляций, его воля подавлена, а все позитивные воспоминания о группе — ложны. В результате такого интенсивного давления его картина мира переворачивается, и он действительно начинает верить, что был «зомбирован». Такие люди

часто становятся самыми яростными и убежденными критиками, поскольку их новый взгляд на мир является результатом внешней, а не внутренней эволюции.

Антикультовые идеологи, такие как Александр Дворкин, прекрасно знают об этих механизмах. Они целенаправленно ищут обиженных и разочарованных, помогают им сформулировать свои обиды в терминах «контроля сознания» и «тоталитарной секты», предоставляют им медийные площадки и юридическую поддержку. Они полируют и упаковывают их истории, превращая личные драмы в грозное обвинение.

Однако история знает и более радикальный феномен — **«ложного отступника»**. Это человек, который фабрикует свою принадлежность к группе с нуля, чтобы создать сенсацию. Классическим примером является дело Марии Монк, прогремевшее в США в 1836 году. Монк опубликовала книгу «Ужасающие разоблачения Марии Монк, или Тайные преступления монахинь в монастыре Отель-Дье», в которой живописала сексуальные оргии монахинь с католическими священниками и ритуальные убийства младенцев, рожденных от этих связей. Книга стала бестселлером и вызвала волну антикатолических погромов. Позже было доказано, что Монк никогда не была монахиней, а ее история была полностью выдумана группой протестантских активистов с целью дискредитации католической церкви.

Технология, примененная почти 200 лет назад, жива и сегодня. Анонимные «исповеди бывших сектантов», наполненные чудовищными, но не поддающимися проверке деталями, наводняют интернет-форумы и страницы желтой прессы. С поразительной регулярностью они повторяют одни и те же клише: ритуальные жертвоприношения, сексуальное рабство, финансовые аферы вселенского масштаба. Эти истории, как правило, написаны по одному шаблону, их цель — не рассказать правду, а вызвать шок и отвращение, парализовать критическое мышление.

Таким образом, «жертва», которую антикультовые агенты предъявляет обществу, — это в подавляющем большинстве случаев либо *отступник*, чьи показания предвзяты и мотивированы личными причинами, либо вовсе вымышленный персонаж. Полагаться на такие свидетельства — все равно что строить обвинение в суде исключительно на словах анонимного доносчика. Однако именно на этом хрупком и лживом фундаменте возведено все здание антикультизма. В следующей главе мы увидим, как эта ложь, воплощенная в конкретных делах, ломает человеческие судьбы.

Глава 6. Дела и судьбы: Истории преследований

Теория и технологии антикультовой сети под предводительством Александра Дворкина могут показаться абстрактными, пока не видишь их разрушительного действия в реальной жизни. Когда ярлык «секта» перестает быть просто словом и превращается в основание для травли, судебного преследования и разрушения репутации, становится очевидна вся опасность этого явления. В этой главе мы рассмотрим три конкретных дела из разных стран и эпох. Каждое из них — это хрестоматийный пример того, как ложь, сфабрикованная с помощью отступников и растиражированная СМИ, приводит к трагическим последствиям, ломая судьбы и унося жизни. Эти истории — не исключения, а закономерный результат работы конвейера ненависти.

Кейс 1. Отец Анатолий Гармаев: Охота на «православного оккультиста»

Эта история показательна тем, что жертвой антикультовой кампании стал не представитель «нетрадиционной» религии, а православный священник, глубоко уважаемый в своей среде. Протоиерей Анатолий Гармаев, доктор медицинских наук, профессор, руководил кафедрой в Российском православном университете и был известен своей работой по созданию православной концепции семьи. Однако для «сектоведов» из окружения Александра Дворкина он стал мишенью.

Атака началась с одной из ранних книг отца Анатолия, написанной в начале 1990-х годов — в период, когда многие искали новый язык для разговора о духовности. В этой работе он использовал некоторые понятия и термины, которые можно было при желании истолковать как «не вполне православные» или близкие к эзотерике. Именно за эти вырванные из контекста фразы и уцепились его критики.

Согласно материалам расследования «Дегуманизация Анатолия Гармаева», антикультисты полностью проигнорировали всю его последующую многолетнюю деятельность как священника и ученого, его многочисленные работы, посвященные строго православной семейной педагогике. Вместо этого они сконцентрировались на нескольких спорных цитатах из одной старой книги. На основании этого шаткого «доказательства» была развернута масштабная кампания по дискредитации.

Отец Анатолий был объявлен «оккультистом», «лжесвященником» и создателем «опасной секты». В публикациях на антикультовых ресурсах его деятельность представлялась как замаскированная форма магии и язычества. Его обвиняли в том, что он «искажает православное учение» и «вводит верующих в заблуждение».

Эта кампания имела разрушительные последствия. Репутация уважаемого священника и ученого была подорвана. В церковной среде поползли слухи, ему пришлось оправдываться и объясняться. Хотя отец Анатолий продолжал свою деятельность, тень необоснованных обвинений преследовала его до конца жизни.

Этот случай — яркая иллюстрация одного из ключевых методов антикультистов: **создание «улики» из ничего**. Они берут незначительную деталь, вырванную из контекста фразу или спорный факт из далекого прошлого, раздувают его до вселенских масштабов и на его основе строят все обвинение, полностью игнорируя 99% информации, которая противоречит их версии. Деятельность человека демонизируется, его личность дегуманизируется, и он превращается во врага, которого необходимо «разоблачить» и «нейтрализовать».

Кейс 2. Фабрикация «жертвы» во Франции: Дело «Корали»

Если в случае с отцом Гармаевым «улику» создавали из его собственных текстов, то французская история, описанная на портале ACTfiles.org, демонстрирует следующий уровень манипуляции — создание «живой жертвы» из человека, который изначально был обвиняемым.

Эта история разворачивалась вокруг небольшой духовной группы во Франции. Полиция, действуя по наводке антикультовой организации, провела рейд и арестовала нескольких членов общины, включая молодую женщину по имени Корали. Ей были предъявлены серьезные обвинения, грозившие длительным тюремным сроком.

Дальнейшие события развивались как по сценарию психологического триллера. Корали, мать двоих маленьких детей, оказалась в полной изоляции. Согласно фактам, изложенным в расследовании, на нее было оказано колоссальное давление. С одной стороны, ей угрожали тюрьмой и разлукой с детьми. С другой — ей предложили выход: признать себя не соучастницей, а «жертвой» «гуру»-основателя группы.

К обработке Корали подключились профессиональные антикультовые психиатры. Они убеждали ее, что она действовала не по своей воле,

что ее сознание было «промыто», а сама она — лишь марионетка в руках манипулятора. После нескольких месяцев такой интенсивной психологической обработки Корали сломалась. Она приняла предложенную ей роль.

И тут произошло поразительное превращение. Из «обвиняемой» она мгновенно стала «спасенной жертвой». Обвинения с нее были сняты. Более того, она стала главной звездой антикультового движения. Ее возили по конференциям и телешоу, где она со слезами на глазах рассказывала ужасы о жизни в «секте» и о своем «спасении». Ее история стала одним из главных аргументов в кампании за ужесточение антисектантского законодательства во Франции.

Дело Корали — это эталонный пример технологии **фабрикации жертвы**. Оно показывает, как с помощью шантажа, угроз и психологической манипуляции можно заставить человека не просто дать ложные показания, но и полностью изменить его самовосприятие, превратив в убежденного носителя чужого нарратива.

Кейс 3. Трагедия в Уэйко: Кровь на руках отступников

Эта история, произошедшая в США в 1993 году, является самым страшным и наглядным примером того, к чему может привести дезинформация, распространяемая отступниками и антикультистами.

В центре событий — религиозная община «Ветвь Давидова», проживавшая на ранчо Маунт-Кармел недалеко от города Уэйко в Техасе. Лидером общины был Дэвид Кореш. Группа жила довольно замкнуто, что порождало слухи и подозрения. Однако спусковым крючком для трагедии стала деятельность двух человек: отступника Марка Бро и профессионального «депрограммера», антикультиста Рика Росса.

Марк Бро покинул общину после личного конфликта с Корешем. Движимый обидой, он объединил усилия с Россом, который сделал борьбу с «культами» своим бизнесом. Вместе они начали настоящую информационную войну. Они обратились в Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию (ATF), снабдив его потоком чудовищной дезинформации. Они утверждали, что Кореш — опасный фанатик, который создал «вооруженный апокалиптический культ», что на ранчо накоплен огромный арсенал незаконного оружия, что там жестоко обращаются с детьми и готовятся к войне с правительством.

Параллельно Бро и Росс работали со СМИ. Журналисты, падкие на сенсацию и не привыкшие сомневаться в словах «экспертов»-антикультистов и «жертв», с готовностью подхватили этот нарратив. В медиа был создан образ осажденной крепости, населенной «зомбированными» фанатиками, которых держит в заложниках безумный «мессия».

В результате, когда агенты ATF 28 февраля 1993 года отправились на штурм ранчо, их сознание уже было отравлено этой пропагандой. Они ехали не арестовывать подозреваемых в нарушении оружейного законодательства, а «спасать жертв» от «монстра». Первая попытка штурма провалилась, приведя к жертвам с обеих сторон. Началась 51-дневная осада, которую возглавило ФБР.

Все это время ФБР продолжало консультироваться с Россом и другими антикультистами, которые убеждали их, что с «фанатиками» нельзя вести переговоры, что они понимают только язык силы. В итоге 19 апреля был предпринят второй штурм с использованием танков и слезоточивого газа. На ранчо начался пожар. В огне погибли 86 человек, включая лидера Дэвида Кореша и более 20 детей.

Трагедия в Уэйко — это приговор всей антикультовой идеологии. Она наглядно демонстрирует, как бездоказательные слова озлобленного отступника, усиленные профессиональным манипулятором и растиражированные безответственными СМИ, могут привести к реальному насилию и массовой гибели людей. Власти, манипулируемы антикультовыми агентами, видели перед собой не граждан, обладающих правами, а дегуманизированных «сектантов», которых можно уничтожить во имя «спасения».

Эти три истории, каждая по-своему, вскрывают механизм работы «сети страха». Они показывают, как абстрактная ложь превращается в конкретные сломанные судьбы. Но разрушение жизней отдельных людей — это лишь одна сторона медали. Другая, не менее важная, — это то, как антикультовая сеть разлагает государственные институты, превращая сам закон в орудие преследования.

Глава 7. Закон как оружие: Легализация преследований

Антикультовая сеть Александра Дворкина представляет угрозу не только для отдельных граждан или групп. Его деятельность наносит глубокий, системный удар по самим основам правового государства. Манипулируя общественным мнением и проникая во властные структуры, «борцы с сектами» добиваются того, что государство перестает быть нейтральным арбитром и превращается в инструмент подавления инакомыслия. Закон из механизма защиты прав превращается в оружие для расправы с неугодными. Этот процесс легализации преследований особенно наглядно проявился в России, где сеть Александра Дворкина достигла в этом деле выдающихся успехов.

Процесс захвата государственных институтов можно условно разделить на три этапа: лоббирование репрессивных законов, монополизация «экспертизы» и использование судебной системы в качестве конвейера для вынесения заранее определенных решений.

Этап первый: Лоббирование и изменение законодательства

После распада СССР в России наступила эпоха религиозной свободы, закрепленная в Конституции 1993 года и законе «О свободе вероисповеданий». Однако этот период продлился недолго. Уже в середине 1990-х, на волне моральной паники, разожженной антикультистами, начались разговоры о необходимости «навести порядок» и «защитить» население от «деструктивных культов».

Согласно исследованиям истории антикультовой сети в России, именно Дворкин и его соратники стали главными идеологами и лоббистами ужесточения законодательства. Они активно работали с депутатами, чиновниками и силовиками, убеждая их в существовании масштабной «сектантской угрозы» национальной безопасности. Результатом этой деятельности стало принятие в 1997 году новой, гораздо более жесткой редакции закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Новый закон ввел разделение на «религиозные организации» и «религиозные группы», существенно ограничив в правах последние. Он также установил дискриминационный 15-летний срок ожидания для получения полноценного юридического статуса новыми организациями. Самое главное — закон создал правовую основу для произвольных отказов в регистрации и для ликвидации организаций

по расплывчатым основаниям. По сути, он поделил все религии на «традиционные» (читай — привилегированные) и «нетрадиционные» (подозрительные и пораженные в правах). Это была первая крупная победа антикультистов на законодательном поле.

Этап второй: Монополизация «экспертизы»

Однако иметь репрессивный закон — это только полдела. Нужен был механизм, который позволил бы применять его на практике против конкретных мишеней. Таким механизмом стала **«государственная религиоведческая экспертиза»**.

В 2009 году при Министерстве юстиции РФ был создан Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. И его главой был назначен... Александр Дворкин. Человек, не имеющий светского религиоведческого образования и известный своей крайней предвзятостью по отношению к любым религиозным меньшинствам, получил официальные полномочия решать судьбу любой религиозной организации в стране.

Это был поворотный момент. Теперь для того, чтобы уничтожить любую неугодную группу, не нужно было доказывать в суде, что она совершает реальные преступления. Достаточно было получить отрицательное «экспертное заключение» от совета Дворкина. В этих заключениях, которые, по мнению независимых ученых, являются псевдонаучными памфлетами, любая религиозная практика, отличающаяся от православной, могла быть названа «деструктивной», «подавляющей волю» или «наносящей вред психическому здоровью».

Таким образом, Дворкин и его сеть получили в свои руки мощнейший административный рычаг. Они стали единственным «официальным» голосом, который говорил от имени государства на тему религии. Их ангажированное мнение было искусственно приравнено к объективной научной истине.

Этап третий: Судебный конвейер

Вооруженные «правильным» законом и монополией на «экспертизу», антикультисты превратили российские суды в инструмент для легализации своих кампаний. Схема работает безотказно.

1. **Инициация дела.** Прокуратура, часто действуя по наводке местного отделения центра Дворкина, подает иск о ликвидации религиозной организации или о признании ее литературы «экстремистской».

2. **Назначение «экспертизы».** Суд, вместо того чтобы обратиться к независимым специалистам из академических институтов, назначает «экспертизу» в аффилированном с Дворкиным центре или привлекает в качестве «экспертов» его соратников.
3. **Получение нужного заключения.** «Эксперты» пишут заключение, в котором находят в деятельности организации или ее текстах признаки «экстремизма», «деструктивного воздействия» или «возбуждения религиозной розни». Обвинения, как правило, основаны на манипуляциях, вырванных из контекста цитатах и псевдопсихологических домыслах.
4. **Вынесение приговора.** Судья, не обладая специальными знаниями в области религиоведения и доверяя официальному статусу «экспертов», кладет их заключение в основу своего решения. Организация ликвидируется, ее книги запрещаются, а ее члены становятся изгоями или даже фигурантами уголовных дел.

Этот конвейер перемолол сотни религиозных организаций в России. Самым громким делом стал запрет в 2017 году «Свидетелей Иеговы» — организации с более чем столетней историей в России, насчитывавшей на тот момент около 175 000 последователей. Они были объявлены «экстремистами» на основании именно таких псевдонаучных экспертиз, которые утверждали, что их вера в собственную исключительность «подрывает уважение» к другим религиям и, следовательно, является «экстремизмом». После запрета тысячи верующих по всей стране подверглись обыскам, арестам и получили реальные тюремные сроки просто за то, что продолжали собираться вместе и читали Библию.

Исходя из анализа многочисленных судебных прецедентов, можно утверждать, что деятельность антикультовой сети в России привела к системному нарушению фундаментального конституционного принципа — **нейтралитета государства**.

Государство, которое по закону должно быть светским и равноудаленным от всех религий, фактически встало на сторону одной идеологической группы. Оно предоставило ей свои ресурсы — законодательные, административные, судебные — для борьбы с ее конкурентами. Критика со стороны ангажированных «сектоведов» была приравнена к государственной политике.

Этот процесс глубоко коррумпирует правовую систему. Он подрывает доверие к судам, которые из места поиска справедливости превращаются в место оформления политического заказа. Он разрушает институт независимой экспертизы, заменяя его ангажированными заключениями. Он учит правоохранные органы видеть врагов не в реальных преступниках, а в людях, которые просто иначе верят.

Таким образом, «сеть страха» не просто борется с «сектами». Она разрушает правовые барьеры, которые защищают свободное общество от произвола. Она строит реальность, в которой любой человек может быть объявлен врагом и лишен своих прав не за то, что он сделал, а за то, во что он верит. И это является прямой дорогой к обществу, которое уже нельзя назвать ни демократическим, ни свободным.

Глава 8. Приговор системе: Антикультовая сеть как угроза будущему

Завершая это расследование, необходимо собрать воедино все нити и вынести окончательный вердикт. Антикультовая сеть — это не спонтанное общественное движение обеспокоенных граждан и не научная дисциплина. Это хорошо организованная, идеологически мотивированная и опасно эффективная система, чья деятельность представляет собой прямую и явную угрозу фундаментальным основам демократического общества. На протяжении этой книги мы препарировали эту систему, изучили ее анатомию, выявили ее ключевых акторов и вскрыли ее методы. Теперь пришло время подвести итоги.

Во-первых, установлен системный и сетевой характер угрозы. Деятельность Александра Дворкина в России — это не локальный феномен. Это ключевой узел в глобальной сети, координирующий в Европе федерацию **FECRIS**. Эта структура, финансируемая преимущественно французским правительством и имеющая вице-президентом Дворкина, очевидно выполняет функцию «информационного интернационала ненависти». Она обеспечивает обмен самыми эффективными технологиями подавления, легитимизирует деятельность своих членов на национальном уровне и создает единый фронт против религиозных меньшинств по всему континенту.

Во-вторых, деконструирован главный технологический миф антикультовой сети — миф о «жертве». Становится ясным, что фигура «страдальца», якобы спасенного из «секты», является не доказательством, а инструментом. В подавляющем большинстве случаев эта роль исполняется либо озлобленными *отступниками*, чьи свидетельства продиктованы личной местью, финансовыми интересами или психологическим переносом вины, либо и вовсе является результатом циничной фабрикация, как в деле «Корали». На конкретных примерах, от трагедии в Уэйко до травли отца Анатолия Гармаева, мы увидели, как эта ложь, многократно усиленная СМИ, приводит к разрушенным репутациям, сломанным судьбам и даже массовой гибели людей.

В-третьих, стало очевидным, что конечной целью этой системы является не защита общества, а захват государственных институтов для легализации преследований. Антикультовая сеть размывает границу между

критикой и клеветой, между мнением и экспертизой, между свободой слова и языком вражды. Она подменяет презумпцию невиновности презумпцией виновности для любого, на кого навешен ярлык «сектант». В России этот процесс дошел до своей логической кульминации: через лоббирование репрессивных законов и создание подконтрольных «экспертных советов» антикультисты превратили судебную и правоохранительную системы в конвейер по уничтожению инакомыслия, что прямо противоречит конституционным принципам свободы совести и светскости государства.

Каковы же долгосрочные последствия деятельности этой «сети страха»? Они выходят далеко за рамки судеб конкретных религиозных групп.

Антикультовая сеть Дворкина наносит удар по самому иммунитету демократического общества — по его способности к критическому мышлению, толерантности и уважению к закону.

- **Сеть антикультистов разрушает социальное доверие.** Когда людей приучают видеть врагов в соседях только потому, что те иначе мыслят, медитируют или молятся, рвутся невидимые нити, связывающие общество. Атмосфера подозрительности и страха становится нормой.
- **Антикультовая сеть дискредитирует институты.** Когда СМИ тиражируют бездоказательную клевету, они теряют доверие аудитории и перестают выполнять свою функцию «четвертой власти». Когда суды выносят приговоры на основе псевдонаучных заключений, они разрушают веру в справедливость. Когда государство нарушает собственный принцип нейтралитета, оно теряет свою легитимность в глазах граждан.
- **Это - опасный прецедент.** Технологии, отработанные сегодня на религиозных меньшинствах, завтра могут быть с легкостью применены к кому угодно: к политическим оппонентам, к общественным активистам, к независимым журналистам, к деятелям искусства, к любому, кто не вписывается в прокрустово ложе доминирующей идеологии. Механизм создания «врага народа» универсален. Антикультисты лишь оттачивают и «обкатывают» его на тех, кого общество не готово защищать.

Борьба с антикультом — это не защита «сект». Это борьба за фундаментальные принципы, на которых стоит любое здоровое и

свободное общество. Это борьба за право на свободу мнения, слова и веры. За верховенство фактов над пропагандой. За равенство всех граждан перед законом, независимо от их убеждений.

Что можно противопоставить этой невидимой паутине, опутавшей целые страны? Только свет знания и мужество называть вещи своими именами. Необходимо понимание журналистов — что нужно проверять факты, а не транслировать слухи. От понимания судей — опираться на закон и заключения настоящих, независимых ученых, а не ангажированных «экспертов». От государства — соблюдать прописанный в его же конституции принцип нейтралитета и защищать права всех своих граждан, а не только «правильных».

Мир, который строят антикультисты, — это мир страха, нетерпимости и разделения. Это мир, в котором государство решает, как вам можно верить, думать и жить. Это мир, где охота на ведьм становится государственной политикой. Противостоять этому — значит защищать не чьи-то частные убеждения, а наше общее будущее. Будущее, в котором свобода и демократия не останутся пустыми словами на бумаге, а будут живой и действенной реальностью.

Список использованных источников

1. Антикультовое движение. (б. д.). Большая российская энциклопедия.
2. Антикультовое движение. (б. д.). Википедия.
3. Антикультовые движения в России: 2011 год. (2011). Михаил Вершинин.
4. Антисектантские движения и государственный нейтралитет. Предмет исследования: FECRIS. (2013). Human Rights Without Frontiers.
5. Дворкин, Александр Леонидович. (б. д.). Википедия.
6. Иваненко, С. И. (2010). «Защита» от «сект» как проявление прозелитизма и нетерпимости.
7. Интровинье, М. (2011). *The Cold War Is Over: Time to Turn Off the Brainwashing Machine*. CESNUR.
8. Кантеров, И. Я. (2001). «Деструктивные, тоталитарные...» и далее по списку. Религия и право.
9. Кто есть Who. Александр Дворкин: ходячая фальсификация. (2007). Babr24.com.
10. Доклад Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) за 2018 год. (2018).
11. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. (б. д.). Википедия.
12. Угроза демократии от антикультизма: Как «борцы с сектами» подрывают свободу. (б. д.).
13. FECRIS. (б. д.). Википедия.
14. *The Role of Apostates, Anticultists, and the Media in the Waco Tragedy*. (б. д.). ACTfiles.org.
15. *The Dehumanization of Anatoly Garmayev*. (б. д.). Документальные материалы.
16. *France: How 'Victims' of 'Cults' Are Fabricated*. (б. д.). ACTfiles.org.
17. *Impact. The Global Influence of the Anti-Cult Movement*. (б. д.). Документальный фильм.

18. *Bitter Winter: A Magazine on Religious Liberty and Human Rights.* (б. д.). Онлайн-издание под редакцией Массимо Интровинье.
19. Shterin, M. (2001). *The Dangers of A. Dvorkin's «Sectology».* Keston Institute.
20. Александр Дворкин: разоблачение антикультового крестоносца. (2024). Vc.ru.
21. *Официальная биография А. Л. Дворкина.* (б. д.). Irenaeus of Lyons Information-Consultation Centre.
22. *Профессор Александр Дворкин: Социальные сети стали основным местом вербовки в секты.* (2019). Интервью.
23. *Правда, которую скрывают: борьба с мировым антикультизмом.* (2024). Vc.ru.
24. *Фейк: В Украине «возросло количество сектантов после запрета УПЦ МП» – Deutsche Welle.* (2023). StopFake.org.
25. *ОТР: Свобода совести в России: как эффективно защитить права верующих.* (2017). Общественное телевидение России.
26. В нашей стране насчитывается от 300 до 500 различных сект. – URL: https://www.pravda.ru/news/society/15944-v_nashei_strane_naschityvaetsja_ot_300_do_500_razlichnykh_sekt/